

Мартин Обри —
секретарь Социалистической
партии Франции

Будущее наших идей

Выбор, который мы должны сделать, имеет цивилизационные масштабы. Нечасто политика бывает до такой степени прижата к стене, востребована Историей, призвана найти ответ на важнейшие вызовы, которые выдыхающаяся система сегодня с неотвратимостью ставит перед людьми прогрессивных взглядов и перед будущими поколениями.

Осознавая нашу коллективную ответственность, я в течение ряда лет приглашала всех и каждого углубить и обновить наши идеи, принять участие в написании общественного проекта, который бы придал смысл и надежду нашим усилиям по переходу в наступление, которого уже недолго ждать.

Мы меняем цивилизацию. «Новая промышленная революция», третья по счету, цифровая и когнитивная, с высокой скоростью реорганизует производство и потребление, географию и социальные связи, культуру и демократию. С учетом увеличения средней продолжительности жизни, миграции демографический фактор оказывает глубинное воздействие на наши общества. Экологические потрясения требуют существенного пересмотра взглядов на защиту нашей планеты. Как говорит Амартия Сен, эти потрясения вызывают к жизни «мир, который предлагает столько же широчайших возможностей, сколько содержит гигантских опасностей».

Для миллионов французов эти перемены означают безработицу и социальную нестабильность; для многих — непостоянную занятость, низкооплачиваемую работу и даже

утрату заметного места в обществе. Нестабильная, глобализированная экономика, угроза социальным завоеваниям, причитания демагогов по всей Европе вызвали чувство страха.

Нужно ли смириться с упадком Франции и деклассированностью французов, начиная с поколения, которое вскоре достигнет возраста зрелости? Хотим ли мы бороться за лучшее общество или постоянно испытывать на себе негативные последствия перемен?

Я знаю, что для многих эти последние десятилетия характеризовались усилением индивидуализма, подрывающего коллективные протестные действия, национализма, рвущего Европу на части, а также нового прожорливого финансового капитализма планетарного масштаба, перемалывающего людские жизни. События последних месяцев выявили накопившиеся в мире злоупотребления, с которыми мы должны покончить, наглость заевшихся элит, а также обнаружившийся в Копенгагене тупик всемирного экологического регулирования.

Перед лицом такого обеднения нашей цивилизации почти по всей Европе растут упаднические настроения: якобы у левых больше нет будущего. Польский социолог Зигмунд Бауман, итальянский лингвист Рафаэле Симоне и многие другие заявили недавно, каждый в своем стиле, что Европа надолго уходит вправо... Известные недостатки левых, предполагаемый, а зачастую и действительный отказ от прежних идеалов и прежде всего глобализация экономики способствуют утверждению идеи о беспомощности политики и даже об исчерпании самой общественной мысли.

Отказались ли интеллектуалы, как и вообще левые, от преобразования

мира и от понимания его? Я в это совсем не верю. Надо перетряхнуть пыльные догматы. Вокруг нас и часто без нас мир изменился.

Я считаю возможным опровергнуть пророчества, предсказывающие конец прогресса или закат идей, которые со времен века Просвещения и до Жореса двигали развитие нашей Республики. Также я отвергаю утверждения, которые пророчат смерть демократического социализма, будто бы неспособного найти адекватные ответы на сегодняшние вопросы.

Вот почему инициатива Лаборатории идей — призыв высказаться, обращенный к более чем 50 французским и зарубежным исследователям и интеллектуалам, отвечает нашей общей современной и необходимой задаче: сделать зримым грядущий мир и определить цели политической активности.

Эти исследования призваны обогатить наши идеи. Они не содержат никакой «единой и основополагающей идеи», а представляют собой плоды коллективного размышления, своеобразный прорыв. Авторы пережили 2000-е годы и, как и мы все, видели рост противоречий в стране, поражающие воображение отклонения от ранее принятого курса, что заставляет «взбунтоваться сознание», о чем говорилось с 2008 г. в Призыве призывов.

Я уже давно веду диалог со многими из авторов. Кроме того, я вижу, как находит себя новое поколение исследователей. Каждый из авторов понимает наше время, разбирается в происходящих переменах, выдвигает креативные идеи, а также выступает выразителем протестных настроений и глубокого недовольства. На страницах книги от-

ражены различные точки зрения, ни одна из которых не замалчивается. Свободные умы должны подводить предварительные итоги сделанного. Я иногда частично, иногда полностью согласна с их позициями, но признаю, что в любом случае написанное ими выражает их взгляды и гражданские чувства, которые отражают их убеждения и меру ответственности. Мы нуждаемся в них, чтобы возродить коллективную ответственность в нашей стране.

Я хочу им ответить. Как я всегда и своему делала, я рассчитываю внести свой вклад в обновление левых идей. К какому обществу мы стремимся? Этот вопрос вставал на протяжении всей нашей истории начиная по меньшей мере с Революции. Каждое поколение левых во Франции и Европе давало свой ответ на данный вопрос. Каждый кризисный период снова обязывает нас переосмыслить политику.

Если мы не согласны сводить политику к сохранению общественного благополучия, к подчинению «новым мировым интересам», к чему призывают неолибералы на протяжении последних 30 лет, мы не можем позволить увянуть интеллектуальной мощи левых сил. Именно из этих соображений мы и должны исходить. Общественный проект не сводится к простому управлению. Он нуждается в предвидении будущего Франции, в использовании ее преимуществ. Если их не учитывать, то наш проект превратится в простой технократический каталог предложений, разработанный за закрытыми дверями.

Мой подход соответствует умозаключениям всех тех, кто на протяжении XX столетия стремился к преобразованиям общества, способствовал его

улучшению, облегчению жизни в нем, отказываясь придерживаться простого администрирования повседневного бытия. Я сторонница такого проверенного временем подхода, который отвергает демагогию — все обещать и ничего не выполнять — и оппортунизм — ни о чем не задумываться и плыть по течению, туда, куда несут веяния моды и дух времени.

Не отрицая трудностей поставленной задачи, я вижу в истекшем десятилетии одновременно крах глобальной системы, основанной на принципе непогрешимости рынка, и крушение ее идеологической составляющей, утрату ею идейных ценностей, что демонстрируют беспорядочные метания касты, узурпировавшей властные полномочия.

Вот почему мы нуждаемся в новом Веке Просвещения, в противостоянии разума мировым бурям, в призыве к воображению перед лицом консерватизма. Эта книга приглашает нас к такого рода мышлению.

Что касается лично меня, я извлекаю из предшествовавшего периода несколько существенных уроков. Я руководствуюсь непредвзятым наблюдением за прошедшими событиями, чтобы внести свой вклад в предлагаемое обдумывание будущего. Я пишу здесь, осознавая свою ответственность и придерживаясь солидарных ценностей, от которых никогда не отказывалась.

Пора покончить с моделью, которая более не является синонимом прогресса

Мы способны придумать новые способы производства и потребления, которые положат конец нынешнему хищниче-

ству, не отказываясь при этом жить лучше. Будучи наследниками определенно-го типа развития, история которого тесно связана с историей индустриальной цивилизации, усвоив уроки Кейнса, мы на протяжении долгого времени сочетали рост, прогресс и благополучие. Эти времена прошли.

Общество потребления обогащает меньшинство, которому всегда мало, и сохраняет нестабильность большинства, которое в полной мере ощущает иллюзорность консюмеризма. Мы не перестаем бороться за улучшение конкретных условий существования и соответствующий рост доходов. Вместе с тем мы знаем, что сегодняшняя система подвергает наемного работника двойному гнету: труд становится тяжелее, а коллективная жизнь деградирует. Покупательная способность многих работников и пенсионеров снижается. Работать больше, чтобы заработать меньше — вот реальный принцип общества ложного благоденствия. По счетам всегда платят трудящиеся, их семьи и вся планета.

Мы защищаем *экономику всеобщего благополучия*, а не всеобщее потребление. Я уже говорила в этой связи о постматериализме. Другие эксперты, Бернард Стиглер например, справедливо заостряют внимание на токсичности нынешней модели, на «обществе одно-разового пользования» и предлагают альтернативу консюмеризму. Речь идет о крупных переменах, прежде всего экономического, но также и антропологического характера.

Переход к социально-экологическому развитию. Имеется в виду мир, не отказывающийся от создания богатств, но берущий на себя обязательства по

их лучшему распределению. Это мир, который не приемлет, чтобы нестабильность бытия одних сосуществовала с привычкой потребления других. Это постиндустриальный мир, в экономике во многом нематериальный, но вовсе не подразумевающий отказ от промышленности! Это мир, признающий, что возможные блага не обязательно связаны с товарами. Мир, отказывающийся от безудержной эксплуатации Земли и природы.

Это подразумевает глубокие, глобальные перемены в производстве, потреблении, питании. Переход к новой модели развития имеет не только техническую и фискальную природу: этот переход предполагает перемены культурного и идеологического характера. Отношение нашего общества к окружающей среде уже меняется, и мы должны следовать тем же курсом. Перед нами три пути. Первый — это «зеленый» капитализм, который, впрочем, может оказаться всего лишь «позеленевшим» аватаром гиперконсюмеризма, не подразумевающим преобразования ни сущности экономического роста, ни средств производства. Второй путь — это «зеленый» Новый Курс (New Deal), представляющий собой тонкое сочетание побудительных мотивов и принудительных мер, вынуждающих производителей менять способ производства. Третий путь состоит в том, чтобы наша трансформированная модель развития зависела от спроса, стимулируя гражданина становиться создателем товара, его потребителем и со-производителем. Эти два последних сценария видятся мне провозвестниками новой цивилизации, и я являюсь их сторонницей.

Предлагаемый вызов формулируется следующим образом: наша экономика должна в долговременной перспективе сочетаться с охраной окружающей среды, сохранением разнообразия биологических видов и имеющихся природных ресурсов, а с другой стороны, сочетаться с необходимым социальным прогрессом, требующим ресурсов, что не отрицает экономического роста.

В этом мире, в нашем завтра есть место для пути экономического роста. Мы бы хотели, чтобы это был путь здорового и устойчивого развития. Но это развитие должно быть также *селективным*, потому что ресурсы ограничены, а развитие экономики, самой производительности требуют лучшей ориентации. Возможности государственного бюджета, потребляемые нами ресурсы планеты заставляют нас выбирать между первоочередными потребительскими товарами и теми, в которых мы нуждаемся в меньшей степени. Если сказать точнее, надо покончить с неправильным развитием, опирающимся на разбазаривание средств и ресурсов, на товары одноразового использования, на программируемое устаревание предметов пользования, на безграничную эксплуатацию ресурсов, которая питает себя своими же недостатками.

Если мы начнем жесткое преобразование экономики, добиваясь того, чтобы продукция становилась все более энерго- и ресурсосберегающей, чтобы ширилась сфера материальных и нематериальных услуг, то как теоретически можно будет ограничить априори их объем, измеряемый денежной стоимостью? Как раз этим измеряется показатель роста. В будущем большее значение будет придаваться тому, что

произведено, и способам производства, а не росту самого производства. И наконец, нам, безусловно, нужно будет включить в нашу статистику то, что сегодня не учитывается привычными показателями, а именно отдачу, бесплатно получаемую от коллективных пространств и экосистем, от медицинского ухода и добровольного труда или от опытов по внедрению систем товарообмена между коммунарами.

Перевооружение индустриальной базы. Франция нуждается в том, чтобы мощь государства была перенаправлена на развитие промышленности, на упреждение, а не на исправление. В свете этого ставится задача создания *государственного центра стимулирования инвестиций в промышленность*. Деятельность этого центра будет приближена к тем, кто занят производством, а также к регионам, с целью предвосхитить будущее развитие, укрепить производственные цепочки, переоборудовать производственные мощности, по мере необходимости перенести производство... Именно так Франция сможет занять свое место в процессе глобализации, в меру своих возможностей обеспечить лидерство в перспективных отраслях, используя богатейший опыт своей индустриальной истории: достижения в энергетике, в обеспечении мобильности трудовых ресурсов, в здравоохранении, агропромышленности и производстве продуктов питания, в производстве материалов для текстильной промышленности будущего, в природосберегающей сфере.

Новаторская экономика. Экономика и цифровые технологии, умные города, массмедиа и креативные производства, мобильные локализованные по геогра-

фическим признакам услуги, телемедицина: одновременно разрушительные и созидательные силы воздействуют на мировую экономику, и этот фактор вызывает к жизни эпохальные перемены, которые по своей интенсивности сравнимы с возникновением индустриального общества в XIX веке. Было бы самоубийственным для нашей страны видеть в происходящем только конкуренцию с промышленными центрами, которые уже начали адаптироваться к переменам или только готовятся это сделать.

Наша страна не придет к устойчивому развитию, не имея в распоряжении действенного и креативного потенциала в этих мобильных секторах экономики. Франция нуждается в новой инновационной экономике, которая постепенно возникает, чтобы укрепиться на международном уровне, тем более что эта инновационная экономика развивалась почти спонтанно, поскольку государственная политика и субъекты новой экономики не всегда осознавали ее историческое значение.

Нам нужна сильная Франция. Чтобы этого добиться, мы должны объяснить сущность будущей экономической модели, смысл социального договора, который только и позволит ее создать. Так дадим же шанс подлинным талантам, избавимся от ложных достижений.

Франция, к которой мы стремимся, — это обновляющаяся экономика. Это *креативное общество*, которое сможет обеспечить нам новые идеи и коллективные блага. Это вполне достижимо, надо только чтобы эта идея овладела коллективным сознанием. У Франции есть для этого все возможности при условии, что каждый будет

услышан, признан, поддержан в школе и университете, на предприятии или в городе. Я предпочитаю, чтобы наша страна лучше оплачивала труд молодых исследователей, творческих работников, которые и есть наше будущее, чем тех, кто привычно заседает в административных советах компаний.

Креативное общество должно выдвигнуть на первый план культуру, зарезервировать за ней особое место. Мы еще далеки от этого, и наше настоящее нас от такого будущего только отдаляет. Это требование исходит из того, что творчество предлагает каждому поколению зеркало, чтобы увидеть себя, и возможность оставить свой отпечаток в истории. Я требую для нашего общества *права на искусство*, за которое надо еще побороться, особенно в период кризиса. Культура нуждается в новых помещениях в городах, которые бы способствовали продуктивному труду. Новые формы требуют нашей отзывчивости, передачи молодежи творческого воображения, накопленного школой и опытом общественной деятельности. В работе творческих людей мы черпаем наш бунтарский потенциал и энергию, которые помогают нам пережить этот период сдвигов, преобразований, надежды.

Я призываю к построению общества, уважающего своих членов, выступаю против презрительного к ним отношения

Достойное общество начинается с того, что в нем выплачивают такую заработную плату или пенсию, которые соответствуют качеству и количеству сегодняшнего и вчерашнего труда. Если пой-

ти еще дальше, мы должны задаться вопросом, а что такое «лучшее» общество, в котором каждый чувствует себя востребованным, уважаемым, а не является объектом презрения и унижений.

Солидарное общество проявляет заботу о каждом, в нем каждый заботится о других и все вместе заботятся о будущем и о планете. Это не лозунг, а одна из самых благородных целей, которую поставили перед собой левые силы. Я не представляю, чтобы левые отказались от этой мечты. Напротив, они должны найти ответ на вопрос о том, как этой цели достигнуть.

Защищая со всей убежденностью *общество уважения, общество взаимной заботы* и настаивая на необходимости осуществления политики *попечения* (англ.: *care*), я оказалась свидетелем настоящего судилища, которое устроили над теми, кто избегает привычной колеи, общих затоптанных дорожек. Я глубоко уверена, что человеческую близость, социальные связи, внимание к другим невозможно отделить от прав человека, от справедливости и в целом от принципов Республики. Я никогда не противопоставляю пережитые страдания и правовое неравенство. Оба эти явления достойны ненависти. Я не отказываюсь от борьбы за менее жестокое, менее эгоистичное общество, за улучшение системы социальной защиты. Напротив, необходимо создавать новые права, которые будут лучше адаптированы к нашему времени.

Я считаю возможным и полезным в политических и даже универсальных терминах говорить об отказе в уважении, о нежелании прислушаться к другому, о человечности. Настоящее равенство этим и достигается.

Да, когда речь идет о построении общества, социализм справедливо занимается *производством и распределением*, но нужно также считать необходимым *социализм отношений*.

Альтруизм, взаимопомощь могут хорошо уживаться с социализмом. Это противоречит тому минимальному страданию, которое в большинстве стран уделяют единицам, щадя чувства остальных. Политика *попечения*, напротив, позволяет создать новые и более строгие формы солидарности. Пособия, помощь необходимы, но они никогда не заменят жизненно необходимые достоинство и человечность. Они дополняют друг друга.

Те, кто разделяет эти взгляды, ведут себя иначе. Они не пишут законы, настаивая на принципах и забывая их правоприменение. Они не встречают ребенка с трудной судьбой, безработного или терпящего нужду соседа как кого-то, кто появился не вовремя, некстати.

Пересматривая сущность солидарности, общество, где царит уважение к его членам, не должно вместе с тем надолго впадать в крайности социального обеспечения всех без разбора.

Социальная справедливость имеет цивилизационный масштаб. Я рассматриваю справедливость в свете трех принципов: равенство, самостоятельность, заслуга. Что отличает правых от левых, так это прежде всего отношение к равенству, которое находится в центре нашей идентичности. Настоящая свобода нуждается в реальном равенстве.

Работы некоторых исследователей¹ совпадают с нашим опытом. Жорес уже поставил эти вопросы в прекрасном тексте, датированном... 1898 годом². С тех пор левые силы занимались поиском

оптимального равновесия между автономией каждой личности и социальной защитой. Если сегодня становится необходимым вновь говорить о солидарности, то это одновременно потому, что общество наемных работников оказалось в кризисе, а институты солидарности выдохлись. На усиление неравенства и нестабильности мы отвечаем лишь несовершенными мерами соцзащиты, которые не обеспечивают наемных работников возможностями действия.

Автономия каждого создается или воссоздается благодаря мерам социальной защиты при условии их эффективности. Как писала Амартия Сен, мы знаем, что отныне недостаточно афишировать социальную справедливость, чтобы успешно претворять ее в жизнь. В школе, а затем и в процессе труда более недостаточно демонстрировать социальную справедливость. Каждый раз, когда находились лишённые гуманности ответы, не учитывающие реальную жизнь каждого человека, общество регрессировало и было вынуждено вносить необходимые исправления. Революция, свершившаяся в связи с увеличением средней продолжительности жизни и слишком часто трактуемая в паникерском духе, подталкивает нас к поискам компенсаторных мер, вносящих исправления в повседневную жизнь. Мы сумели этого добиться в здравоохранении. Я буду без усталости бороться против попыток постепенно, несправедливо и скрыто приватизировать услуги, оказываемые «зависимым» категориям населения, поскольку это противоречит поступательному социальному прогрессу прошлого века! Кроме того, я отказываюсь сводить дискуссию о пенсионном

обеспечении к простому сопоставлению цифр и счетов. Мизерабилистский взгляд на старость есть не что иное, как форма бесчеловечности. Он делает старость тяжелым испытанием, что не соответствует поступательному движению реального мира, в котором наше сострадание и душевные порывы воплощаются в работе ассоциаций, спортивных клубов, в социальных мероприятиях на муниципальном уровне, в гуманитарных действиях. Кто забудет лицо Мишеля Жермано? Нет, возраст не должен стать принципом социального отсева или дискриминации, тем более что жизненные пути не поддаются форматированию. Оказавшись в кризисной ситуации, французы поняли, что обещания равенства не только не выполняются, но и не изыскиваются пути их реализации. Во многих случаях сохраняется несправедливость в школе и на предприятиях, хотя риторика равенства остается прежней. К нашему стыду, неравенство между мужчинами и женщинами в профессиональной жизни, в уровне оплаты труда или в пенсионном обеспечении так и не преодолено. Политики корректируют это неравенство лишь в малой степени, преодолевая его для ничтожного меньшинства. Сегодня трудно заставить людей поверить в равенство шансов, которое бы привело к исчезновению дискриминации по половому, этническому или социальному признаку. Равенство шансов должно способствовать прогрессу и повышению социального статуса. Так, как оно понимается в нашем обществе, отрицающем сотрудничество и пропагандирующем безудержный индивидуализм, оно оказывается приспособленным к обществу, где царит одно только соперничество.

Итак, реальное равенство олицетворяет наше понимание справедливости. Чтобы приблизиться к нему, мы должны встать на путь демократии. Во французской истории, как и в истории Европы, социальный прогресс был невозможен без прогресса демократии.

Переосмыслим вместе нашу демократию

Скрывают ли экономические преобразования те перемены, которые потрясают демократию?

Я верю в легитимность выборов, но я знаю, сколько в реальности осталось феодального или патерналистского в наших общественных институтах. Нельзя все время повторять, что «у французов хватает здравомыслия», но отказываться их услышать, когда они не принимают пенсионного закона или не соглашаются с предложенным им выбором в сфере образования.

Пенсионная «псевдореформа» впитывает в себя, вплоть до карикатуры, все то, что я отвергаю и чего мы больше не желаем: топчущуюся на месте социальную демократию, соглашательский парламент, не учитываемый голос всех поколений французов. Это чудовищный способ проведения несправедливой и неэффективной реформы.

Демократия — это строительная площадка. Перемены в демократии рождаются от распространения знаний, от обмена опытом, от эмансипации граждан. Построение общества собственными силами не враждебно политической демократии. Коллективное и разумное обсуждение проблем становится все более необходимым.

Идет ли речь об образовании, о здравоохранении, жизни в городах или безопасности, политика оказывается выхоленной, если не сумеет осуществить святого союза между твердой и сильной волей, исходящей от всеобщего тайного голосования, и действующими силами общества, представленными теми, кто вносит новое в повседневность, а также профсоюзами и разного рода общественными объединениями.

Кроме того, необходимо выбрать другую цель, направление реформ, отвечающее нуждам народа. Надо объяснять сделанный выбор, уметь принять взвешенные решения, возбуждая тем самым общественный диалог. Это не только требует времени, но делает необходимыми глубокие изменения в организации демократических процессов.

Республика, к которой мы стремимся, требует взрослой демократии, способствующей освобождению граждан в то время, когда патерналистская власть делает их инфантильными. Она декодирует реальность, указывает на недостатки и препятствия. Эта Республика граждан требует от всех политических, экономических властей, от средств массовой информации примера образцового поведения. А у нас сейчас «эра контробразцовости», как справедливо пишет философ Синтия Флери.

В современной мирной и эффективной демократии смелая политика характеризуется не тем, что следует модным веяниям, и уж тем более не тем, что навязывает насилие всему обществу. Работать с гражданами, а не без них или против них.

Чтобы вызвать всеобщий интерес, требуются принципы. Я хочу назвать

и отстаивать жизненную необходимость справедливости и свободы прессы, которая позволяет нашему обществу обрести честь и занять подобающее место среди лучших демократий мира. Чтобы наши свободы вновь обрели свою весну...

Новое разделение властей не сводится к тому, что говорил Монтескье. Начинаясь век нуждается в восстановлении равновесия властей, сегодня нарушенного. Независимость обуславливает доверие.

Это верно и для *независимости прессы*, которая должна быть отделена от крупных промышленных корпораций, от акционеров, имеющих доминантные позиции и потому смещающих и организуемых по своему усмотрению редакционные советы, превращающих прибыль в критерий успеха тех или иных газет и телевизионных каналов.

Что касается *независимости судов*, то ее нужно не только сохранять, но и восстанавливать. Еще немного, и при нашей палате последнего созыва могли бы исчезнуть даже следователи. Отвратительные судебные дела негативно сказались на нашей демократии, и в каждом таком случае власть использует в своих целях, унижает и связывает по рукам судебные власти. Не отказываясь от совершенствования сферы ответственности судей, Франция должна внести в свою конституцию положение о независимости суда, чтобы избежать негативных явлений, с которыми мы столкнулись после 2002 года.

Автономия науки обуславливает доверие к ней, при том что автономия не может означать для исследователей незнание социальных, экологических или экономических последствий их ра-

боты. Если можно будет в будущем говорить о научной демократии, то это прежде всего подразумевает гарантию государственной поддержки исследований, определение их этических рамок и установление границ влияния на них рынка. Одной из основных задач государства станет лучшая подготовка к выполнению этой миссии. Необходимо широкое публичное обсуждение основных целей фундаментальных и прикладных исследований, связанных с технологическим обновлением; это обсуждение должно проводиться не под давлением, но по сути, в нужное время, то есть накануне принятия решений, которые повлияют на будущие поколения.

Ведь политика следует за изменчивым обществом. Ей трудно угнаться за дискуссиями, разворачивающимися по поводу биотехнологии, биоэтики, скрывающейся на семьях, идентичности, нейтральности Интернета. Споры вокруг закона Hadopi и принятые тогда же неадекватные решения показывают, насколько сложность выбора не соответствует жесткости власти, которая больше озабочена победным боем барабанов, чем целями новой цивилизации.

После суперпрезидентства наступит супердемократия? Скорее требовательная демократия, которая подготавливает новую Республику к достижению долговременных целей и к разработке способа правления левых сил, которые в свое время должны положить конец беспрецедентному обнищанию государства.

Я выступаю за долговременную демократию, против театрализованной политики. Говоря об общественном мнении в эпоху массмедиа еще до прихода Интернета, Жак Деррида упоминал

об «отложенной демократии» и о «повседневности как главной категории социального ритма». Он заставил нас задуматься! Власти часто заигрывали с общественным мнением, выдумывая его или вскользь упоминая о нем.

Стоящие перед нами задачи более не терпят игры со сроками, так как речь идет о социальных преобразованиях, о конкретных переменах. Навязчивый реформизм достиг своего предела, в чем недавно с горечью убедились французы. Кто может претендовать на то, что способен за несколько месяцев покончить с недостатками, коренящимися в наших обществах? Это возможно, только если путать управление кризисными явлениями с кропотливым трудом архитектора, стремящегося построить мир, в котором есть долговременные цели. Упор на долговременные задачи не противоречит поиску новых повседневных решений, исправлению чрезвычайных ситуаций. Напротив, они дополняют друг друга.

Нам нужно учиться отделять политику от экономики хотя бы там, где речь идет о долговременных мероприятиях и о создании общественных благ. Провести экологическую конверсию, покончить с городскими гетто, помочь Европе выйти из затруднений, улучшить управление мировыми регуляционными процессами — это все главные политические вызовы, стоящие перед нашими поколениями. Говорить о французском национальном достоянии нельзя, не упоминая прошлого. Нам нужно создавать будущее национальное достояние, базируясь на основных благах: вода, разнообразие биологических видов, энергетические ресурсы, цифровые сети, инфраструк-

тура, обеспечивающая мобильность... «Парламент будущего», который организует публичные дискуссии между экспертами, гражданами и депутатами разных уровней, мог бы в значительной степени способствовать крупным коллективным инвестициям.

Я не верю в политическое бессилие — вздор, о котором говорят неолИБералы, оправдывая минимальное вмешательство общества. Во многих областях, идет ли речь об организации системы образования, о здравоохранении или безопасности, мы можем отстоять самостоятельность национального выбора. Напротив, как это справедливо замечают граждане во Франции и за ее пределами, в случае, когда речь идет о планете в целом, политическое действие требует безотлагательного преодоления национального эгоизма.

Я не хочу увидеть триумфа театрализованной политики, последнего аватара «общества спектакля», которое разоблачал Ги Дебор начиная с 1960-х годов. От нас требуют быть как все, забывая, что французы от этого устали!

Политика безопасности, которую я отличаю от иллюзии, поддерживаемой в сегодняшней Франции, несмотря на ее идеологию и искажения, представляет собой то, что отделяет демократическое мужество от демагогического спектакля. Чтобы добиться успеха, нужны воля, близость к гражданам и их участие. Без шума и лишних жестов депутаты соцпартии всех уровней, прежде всего мэры, проводят на местах мероприятия, позволяющие противостоять отсутствию безопасности.

Многие из собранных здесь авторов требуют от нас интеллектуальной и политической смелости. Книга, которую

вы прочтете, дает серьезные указания тому, кто хочет создать проект будущего общества. Она также указывает на перспективы, которые могут оказаться полезными для действия, для политических перемен, покажут отличие подлинного прогресса от лжереформ.

Мы должны привести в движение общество, заблокированное несправедливостью и недоверием

Больше, чем где бы то ни было, недоверие стало всеобщим во французском обществе из-за пустых обещаний. Общество, где отсутствует доверие, имеет все основания возмущаться несправедливыми реформами, которые ему предлагают для преодоления социальной нестабильности.

Все понимая и находясь в тревоге, молодежь критикует закрытое общество, блокирующее доступ к рабочим местам и ответственности, укрепляющее барьеры между социальными классами и поколениями. Было бы правильнее говорить здесь о молодежи во множественном числе, поскольку она объединяется исключительно вокруг общих целей или для выражения коллективного недовольства.

Каждый знает: прошло время заделывать пробоины, настало время системных преобразований. Каждый день социалистам задают вопрос: с чего начать в 2012 году? Как организовать социальные действия в кризисные времена? Переоценка труда, больше справедливости в пенсионном обеспечении и налогообложении, обновление образования с раннего возраста — вот «путевой лист» наших Ста дней в том случае, если ле-

вые силы получают от народа мандат на преобразование Франции.

Переоценка труда. От этого зависит согласие в обществе, на этой основе зиждется и финансируется социальная защита. Здесь возникает самоуважение. Потерпев неудачу в реабилитации труда, Николя Саркози проиграл свою первую реформу. Покупательная способность стагнирует, социальная незащищенность расширяется. Обвиняя во всем стоимость рабочей силы, политические и экономические власти страны ничего не сделали, чтобы избежать резкого роста высокой зарплаты. Во Франции пришло время принять приемлемые для общества нормы — максимальные размеры — роста заработной платы и вообще доходов, действующие в частном и государственном секторах экономики.

Переоценка стоимости труда может происходить разными путями: через трудовые договоры и заработную плату, через качество труда, его условия и организацию, разделение прав работающих на предприятии. Современное стремление повышать производительность продемонстрировало свои пределы роста. Мнимое совершенное общество вознесло до небес абсурдные показатели. Ультимативные методы управления повредили многим предприятиям, заставляя трудящихся думать, что каждый может победить в одиночку, не нуждаясь в помощи других.

«Заколдованные кавычки» Славного Тридцатилетия кажутся издавна золотым веком. Но мы не отказываемся от прогресса социальных прав. Раз мобильность стала структурным фактором, мы ищем лучший способ придать статус мобильному наемному работнику и обе-

спечить его права, то есть обеспечить ему место в обществе и дать средства «выйти из этого положения», как об этом говорил Робер Кастель. Необходимый элемент обновления социального прогресса — это социальная профессиональная безопасность, адаптированная к меняющейся нестабильной экономической реальности, требующей от каждого все новых усилий по адаптации.

Стабильная профессиональная карьера подразумевает индивидуализированную подготовку, которая должна способствовать карьерному росту, особенно при смене занятости. Безработице, профессиональному тупику должна прийти на смену социальная защита, позволяющая работнику оставаться в трудовой сфере, в мире труда. Именно этого ожидают во Франции от нового правительства, которое призвано пересмотреть правила и методы профессионального обучения, систему страховых выплат по безработице, мобилизуя соответствующим образом систему национального образования. Новые права работника будут подразумевать и его новые обязанности, но уже сейчас требование этих прав показывает, что борьба против социальной нестабильности не обречена на поражение.

Предварительные условия достижения социальной справедливости. Всем известна ситуация в Европе, в меняющемся мире... Я знаю преимущества Франции, но знаю также, какие усилия потребуются в грядущем десятилетии. Причины нынешнего тупика в национальном развитии кроются в неспособности превратить идею справедливости в кардинальный принцип политического выбора. Франция не станет вновь единой и не пойдет вперед, если не бу-

дет выполнено это предварительное условие.

Когда мы говорим о «революции в налогообложении», то имеем в виду необходимость покончить с длившейся годами вопиющей несправедливостью, привилегиями, архаизмом, шокирующей «оптимизацией» льгот в обход закона и пр.

Равным доходам — равные налоги. Этот республиканский принцип (ныне мало кем соблюдаемый) должен сопутствовать прогрессу, он является одним из предварительных условий роста доверия общества. Отойти от него можно только в исключительных случаях, если этого требуют всеобщие интересы, а не под давлением частных интересов.

Мы решили, что в 2012 г. пойдем по пути четырех сверхсрочных и крупных преобразований в системе налогообложения страны. Прежде всего налогообложение должно соответствовать принципам социальной справедливости и росту покупательной способности населения: речь идет о *крупном гражданском прогрессивном подоходном налоге*, подразумевающем последующее перераспределение. Он объединит в себе CSG и нынешний подоходный налог. Налогообложение должно стоять на службе занятости и отвечать запросам предприятий. Вот почему мы предлагаем изменить налог на предприятия в зависимости от реинвестирования прибылей. Налоги должны также способствовать прогрессу в социально-экологической области: мы создадим новый *экологически обусловленный НДС*, в котором стоимость товаров отражала бы их цену для планеты. Что касается местного налогообложения, ставшего архаичным и случайным после отмены налога на

профессиональную деятельность, то оно должно вновь стать автономным и соответствовать простым принципам справедливости и пропорциональности.

Эта концепция справедливости убеждала меня в том, что следует сделать шаг в направлении *большей персонализации госуслуг*. Граждане выражают желание, чтобы государство и местные власти оказывали им такие услуги, которые бы не были стандартизированы и анонимны. Они хотят получить доступ к услугам по месту жительства, иметь возможность влиять на их качество и содержание, идет ли речь о дошкольных учреждениях, заведениях для людей преклонного возраста, службах занятости или охраны территории. С моей точки зрения, это один из путей к реальному равенству.

То же касается и школьного образования, где до сих пор отсутствует равновесие, полезный компромисс между национальным выбором и местными инициативами. Создается впечатление, что чрезмерный централизм, который мы унаследовали от истории, все еще может служить последней защитой от разнообразия территорий и самих учеников.

Республиканскую школу обвиняют в том, что она недостаточно способствует уменьшению неравенства. В своем сегодняшнем виде она его воспроизводит, сохраняет и иногда увеличивает. Несмотря на усилия огромного большинства учителей в глазах многих, школа предстает учреждением, не способным выполнить возложенную на него миссию. Это подтверждают последние опросы: Франция остается одной из тех стран Европы, где социальное

происхождение более всего влияет на результаты учебы, где дипломы играют большую, по сравнению с другими странами, роль в профессиональной карьере. Мы не можем согласиться с тем, что только трое из десяти детей рабочих заканчивают полный курс школьного обучения. Наше общество становится закрытым, неподвижным, преимущества образования, как кажется, ускользают от нас вместе с будущим наших детей. Это не неизбежно, хотя именно здесь я вижу одну из причин пессимизма французов.

Чтобы добиться большей справедливости в сфере школьного образования, необходимо пересмотреть систему образования, что осуществимо только за счет дополнительных усилий всей нации и прекращения увольнений в преподавательском корпусе. Но было бы совершенно неправильно думать, что левые силы, ратуя за бюджетные вливания в школьное образование, согласятся этим ограничиться. Само слово «реформа» напоминает здесь о слишком большом количестве упущенных возможностей и о потерянном времени. Чтобы оказаться успешным, наш проект нуждается в обязательных предварительных условиях: отсутствие излишней централизации, ежедневных циркуляров сверху и, наоборот, наличие самостоятельных групп и средств, мобилизуемых на местах; лучше подготовленные и менее изолированные учителя, внушающие уважение к себе; возможность использовать навыки, которые современная педагогика способна предоставить; инновации в процессе обучения; отказ от противопоставления творчества передаче знаний, бесконечного соперничества, которое уже давно

выхолащивает споры и блокирует любые новшества. Каждое общество проектирует на свою школу собственные недостатки и злоупотребления. Мы должны защитить республиканскую школу, не отказываясь при этом открыть ее городу, культуре, профессиям. Семья, учителя, коллективы — все вместе мы должны заключить новый образовательный договор, который бы подал сигнал к обновлению.

Тому есть примеры. Настоящие «структурные реформы» являются не ограничением социальных прав, но внедрением справедливых и эффективных защитных мер, предложением персонализированных инновационных услуг со стороны государства. Такие реформы не обанкротят страну, как говорят о том непрощенные Кассандры, а излечат ее от столбняка, в который ее повергли кризис и несправедливость. Политика меняет масштаб.

Мы должны безотлагательно возобновить глобальные сражения

До и после 2008 года группировки националистического толка оставались в тупике. В глобальном мире движение капиталов, перемещение энергии или эпидемий происходит внутри и вне национальных границ. Недостаточно только думать глобально, надо и действовать в глобальном масштабе.

Приручение глобального капитализма. Это уже не просто управление кризисом, но момент истины. Мы не ждали 2008 года и всемирного банковского краха, чтобы обозначить контроль финансов над реальной экономикой. Мы не ждали греческого кризиса, чтобы за-

явить о слабости солидарных механизмов в Европе. Слабость национальных демократий перед лицом могущества рынка заставляет создать механизмы регулирования в Европе и мире. Это не отказ от политики, напротив. Вместе с тем такие регулирующие механизмы находятся еще в эмбриональном состоянии, и создается впечатление, что они никогда не будут использованы. Я всюду замечаю сомнение и слышу вопросы. Страх европейцев утратить свой суверенитет парализует необходимые и срочные инициативы. К тому же международные институты — G8, а потом и G20 — часто оставляли впечатление собраний, где только произносятся заклинания. Как это случалось после 1918 и 1945 годов, нам вновь нужно все переосмыслить и переделать.

На сей раз это надо сделать не для установления всеобщего мира, но чтобы остановить процесс разрегулирования финансово-экономической системы, порожденной глобализацией. Общий пересмотр правил, применимых к мировому экономическому пространству, только начинается; он спровоцирован кризисом и общим нежеланием его движущих сил отказаться от былых заблуждений. Естественно, что правительства, вскормленные идеологией интегрального капитализма, с трудом привыкают к новой роли.

Три приоритета олицетворяют эту эпохальную перемену, изменение соотношения сил, без которого демократия не сможет укротить рынок и заставить экономику производства занять подobaющее ей место в создании богатств.

В течение последних лет стоявшие у истоков кризиса финансовые рынки ничему не научились и ничего не забы-

ли. *Битва за регулирование* не сводится к противодействию спекуляциям. Она должна быть направлена против диспропорций мировой экономики, последствия которых вплоть до 2008 года недооценивались, идет ли речь об избытке ликвидности, вызывающей рост задолженности, или о недостаточности доходов. Нельзя медлить и с проведением других мероприятий: радикальным пересмотром банковской деятельности и контроля за «финансовой индустрией», борьбой с «налоговыми убежищами» и санкциями против тех, кто их использует, контролем за «деривативами» и повышением налогообложения спекулятивных операций в Европе, чтобы не только добиться их ограничения, но и обеспечить приток новых денежных ресурсов в страны Европейского союза.

Видимый консенсус относительно идеи *европейского экономического правительства*, которую я уже давно отстаиваю, перестал быть табу. Но помимо этого нужно обрести средства для обеспечения желаемого роста и прекращения спекуляций. Идея такого правительства уже используется в некоторых нынешних договорах, а завтра усилится в демократизирующейся Европе. Согласно этой идее, которая не должна задохнуться в межправительственных переговорах, у европейцев есть общее достояние, которым надо управлять и которое надо защищать, прежде всего единая валюта. Германия и Франция должны как можно быстрее пополнить число ее сторонников.

Мы убеждены, что между полностью свободным обменом товарами и автаркическим протекционизмом найдется место для другого эффективного пути, который мы поместили в центр наших предложений: речь идет о справедливом

обмене. Именно он введет в международные торговые договоры новые санитарные, экологические, социальные и культурные нормы, что позволит защитить производителей и потребителей.

Ведь для международной торговли это не новая идея! Проект социальной защищенности, составляющий правовую основу всего человечества, был выдвинут в программе Национального совета Сопротивления и в Филадельфийской декларации 1944 года, определившей цели МОТ. Пусть эта идея была утрачена или казалась действенной только для развитых стран, сейчас пришло время к ней вернуться. Чтобы защитить национальные системы солидарности, пора увязать эти системы с прогрессом, вспомнить о взаимосвязи соцзащиты и налогообложения, сообща заняться управлением миграционными потоками.

Создать равноправные объединения. Призвание Франции — заключить союзы с Югом, с развивающимися странами и Африкой, союзы равноправные, отличающиеся от тех, которые нам достались в наследство от XX в.

Мир смещается к центру и меняется без нас. В то время когда регионы Америки и Азии организуются, Европейский союз, эта «спокойная держава», не может оставаться ни инертным, ни беззащитным. Вместе с ЕС Франция должна поставить перед собой задачу совместно со средиземноморскими государствами, а затем и с Африкой создать региональное объединение, способное возвысить свой голос в мире, отстоять собственные интересы и ценности.

Чтобы этого достичь, особенно в случае с Африкой, Франция должна перестать культивировать на самом

высоком уровне образ устаревшей колониальной державы, который в глазах африканцев есть не что иное, как неприемлемое отрицание хода истории. Такой ошибочный взгляд на положение вещей тем более неприемлем сейчас, когда становятся очевидными козыри Африки, переживающей глубокие метаморфозы. Надежда возрождается. Улучшаются условия жизни, растет ее продолжительность, на континенте воцаряется мир (пусть пока и хрупкий). Да и остальной мир начинает смотреть на Африку по-другому. Увеличиваются международные инвестиции в африканскую экономику. Общемировой рост меняет положение Африки в мире, она становится движущей силой развития. Наш выбор — признать общность наших судеб.

Европейские страны и даже США более не обладают монополией силы. Наше влияние и наша дипломатия подлежат пересмотру. Наши сограждане обеспокоены происходящим в мире и сожалеют, что голос Франции остается не услышанным. Вместе с Европой и странами, озабоченными судьбами планеты, Франция должна принять участие в создании равноправного свободного мира. Мы заинтересованы в том, чтобы происходили перемены в международных отношениях, без чего огромная цена, которую мы платим за отсутствие порядка в мире, станет еще больше.

Строить Францию XXI века

За последние десятилетия Франция утратила былое единство. В недавние годы стала слабее государственная власть. Чтобы оказывать реальное воздействие

на происходящие в обществе перемены, надо отдать приоритет долговременным действиям. Политика не должна сводиться исключительно к настоящему моменту. Вместе с тем срочных действий требуется все больше.

Использовать договорный метод для реформирования и управления. Это относится к системе образования, к университетам и научным исследованиям, к безопасности, к услугам, оказываемым государством и местными властями. Это наш завтрашний Новый Курс! Сегодня власть кажется усталой и раздробленной, потерявшей направление. Законы следуют один за другим, группируются и не применяются. Государство и коммуны пребывают в состоянии холодной войны. Из нее надо быстрее выходить, поскольку она не отвечает духу Республики и дорого обходится стране. Нужно переосмыслить государственную политику, осуществить обновление, соответствующее нуждам населения. Эту задачу надо решать срочно, поскольку бюджет должен использоваться по назначению и находиться под контролем. Договорный метод для правительства состоит в том, чтобы объединить общество приемлемыми для всех целями на всем пространстве национальной территории. Голословные утверждения не ведут к преобразованиям. Политическая воля пробуксовывает, когда мобилизация общества и граждан недостаточна. Перед нами все время разыгрывается какой-то спектакль.

Сделать Францию единой и однородной. Единство Франции, ее универсальное послание черпает силы в принципе свободы от церковного влияния, который мы унаследовали от века Просвещения. Мы не должны опускать руки,

когда сталкиваемся с интегризмом, религиозным или этническим делением, угрожающим светскому характеру общества. Я знаю все эти угрозы и что в них от обскурантизма. Я не смешиваю их со стремлением жить вместе в мультикультурном обществе.

В самой Франции и на ее заморских территориях умеют сочетать мультикультурализм и универсализм, позитивные идентичности и республиканское равенство. Светское общество не отрицает принадлежность к разным идентичностям. Франция 2010 года не похожа на Францию 1905 года. Конечно, сегодняшняя Франция более разнообразна, в ней перемешались этносы — в этом ее сила и богатство. Вслед за Эдуардом Глиссаном я люблю говорить, что во Франции и за ее пределами «никакая культура, никакая цивилизация не расцветет без связи с другими».

Также я отвергаю идею, согласно которой светский характер государства не способен ничего дать нынешним обществам, ставшим плюралистичными. С моей точки зрения, верить в это было бы ошибкой. Светское государство, лежащее в основе толерантности и гостеприимства, после принятия закона 1905 года доказало свою способность к адаптации, способность гарантировать равновесие в обществе, уважение идентичности каждого и равенство всех.

Мирное отвоёвывание территорий. Чтобы положить предел раздроблению Франции, Республика должна отвоёвывать заброшенные ею территории. Наша страна не может долго терпеть того, что ее периферийные области, как городские, так и сельские, становятся средоточием бедности и неравенства — в об-

разовании, здравоохранении, безопасности, жилье, общественном транспорте. Подтверждается делегализация социальных проблем в пригороды, маленькие города, сельскую местность, «ультрапериферию» заморских территорий. Я не согласна с тем, что Франция якобы приспосабливается к тому, что некоторые ее территории становятся простыми переменными величинами в общем процессе выравнивания развития. Проект развития для Франции должен очертить сначала общее жизненное пространство, утвердить республиканский принцип равенства. Затем он должен рассмотреть будущее территорий, обеспечивая сохранение в городах и сельской местности присущих им идентичности и преимуществ. И только потом следовать призывам Эдгара Морэна и «гуманизировать города и вдохнуть новую жизнь в сельскую местность».

Преобразование наших городов на пути к новому городскому обществу. Вот уже 30 лет, как мы стараемся исправить ошибки в градостроительстве, сегрегацию по районам, поддерживая крупные стройки и оказывая поддержку тем, кто занимается повседневной работой в своих кварталах. Левые силы были правы, когда предлагали цели, на которые следует направить усилия государства. И все-таки нынешняя городская политика не сумела покончить с гетто.

Перестроить город — это прежде всего положить конец его бесчеловечности. В новом городском обществе мы хотим покончить с разделением функций человека в городе, разделением между спальными районами и производственными зонами, торговыми площадками и местами культурного отдыха. Наша концепция города предусматривает

объединение всех этих функций, установление связи пространства и человека в едином видении жилого квартала и агломерации в целом, чтобы построить зеленый, солидарный, наполненный жизнью город. Наш век делает возможным это преобразование города.

Перестроить город со всеми его функциями — значит дать ответ на кризис жилья, организовав массовое строительство, упорядочив стоимость жилья и найма, покончив с сегодняшней вседозволенностью и сегрегацией. Надо полностью пересмотреть обустройство города. Ведь в массе своей нынешние кварталы и пригороды — это следствие массового строительства доступного жилья начиная с 1950-х гг., когда были забыты урбанистические и социальные утопии. Строили на пустырях, а городскую среду вокруг создать забыли! Нужно перевернуть эту исторически сложившуюся логику застройки, создавая города с улицами, площадями, местами досуга и качественного отдыха, способствуя смешиванию городского населения. Свидетельство тому — Лилль, где, как и во многих других крупных городах Франции, с энтузиазмом придумывают город XXI века.

Предложить современную жизнь в сельской местности. Долгое время Франция была сельской страной. Согласно Фернану Броделю, наша страна считалась разнообразной, но ее основа была сельской. Затем деревня перестала быть образцом. Сегодня начался обратный отсчет, и миллионы французов, оставшиеся жить в сельской местности или возвращающиеся в деревню, становятся свидетелями того, как на селе или в маленьких городах появляются другие условия жизни. После принятия за-

конов о децентрализации от 1982 года, ставших последними актами разделения власти и обустройства национальной территории, эта глубинная тенденция утратила творческий потенциал, а деятельность правительства оказалась направлена против развития территорий. Слепая гиперцентрализация стала идеологией государственных учреждений и организационного оформления экономической деятельности.

По мере ухода государства и широкого внедрения интенсивного сельского хозяйства ощущение того, что его бросили на произвол судьбы, охватило сельский мир. Крестьяне были забыты, сельская местность опустела. Надо раз и навсегда признать, что нет одного сельского хозяйства, но есть множество. Продовольственная безопасность остается основной целью Европы, которая мобилизует хорошо организованные агропромышленные корпорации, препятствует контрпродуктивным действиям, спекуляции и загрязнению окружающей среды. Наше национальное разнообразие должно стимулировать более короткие агропромышленные цепочки, поддерживая и перемещая при необходимости производства, которые поколения крестьян передавали детям или вновь прибывшим.

Четкие обязательства, в некотором роде «сельский щит», могут зажечь зеленый свет современной сельской жизни. Мы должны идти дальше, быстрее в деле развития медицины на селе, покрытия высокоскоростными цифровыми сетями всех территорий, инвестирования в малые производства, возникшие как следствие смелости миллионов независимых тружеников, о которых политика не имеет права забывать.

И здесь тоже надо строить Францию с пониманием общих интересов!

Мир изменился без нас. Что касается Франции, то она хочет изменить свое будущее, свою цивилизацию, обрести доверие к себе.

Левые силы создают сегодня новый большой проект. Складывается впечатление, что связывающая нить общей истории Франции и ее левых сил разорвалась в 2002 г., а теперь ее можно вновь связать. Это верно для экономики, социального обеспечения, ответа на экологические вызовы и для демократии.

В кризисе зарождается новая модель развития. Уже сейчас видно, что процветание более не ограничивается экономическим ростом. Прогресс возможен при смене цивилизации.

Руководя на протяжении двух лет Социалистической партией, я часто задавалась вопросом о будущем социализма, о том, что он значит, в чем его смысл и сила. Почему идеал, давший название первой партии французских левых, не устаревает?

Ответов много. Хочу представить некоторые из них.

Сейчас, в начале 2010-х гг., речь идет о том, чтобы создать общество, а не коллекцию индивидуальностей, зачастую неудовлетворенных частных интересов.

Конец длительного неолиберального периода, потребность в регулирующих механизмах на мировом уровне, стремление большинства обеспечить долгосрочное развитие — все это открывает будущее перед левыми силами. Социальный вопрос, самый серьезный из всех, не устарел, и часть Франции, презируемая и ставшая как бы невидимой, должна занять свое место в Республике.

Национальное достояние, сотрудничество, ассоциативные объединения и взаимопомощь — вот те области, которые не отделены от рынка, но ему не подчиняются. Мы должны задуматься о будущем, определить границы рыночной сферы, защитить и переоценить общие блага, коллективные пространства действия и культуры. У наших идей есть будущее.

Справедливость, уважение, правда. Наступают новые левые силы, которые имеют собственные ценности и собственный проект изменения цивилизации.

Примечание

1. Например *Repenser la solidarité sous la direction de Serge Paugam*, Paris, PUF, 2007.
2. *Socialisme et liberté*, Revue de Paris, 1898.